

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882(092)

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-2-17-27

ОТРАЖЕНИЕ ЭНТОТИПОЛОГИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

© *Юрьева Ольга Юрьевна*

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии
и методики,

Иркутский государственный университет

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6

E-mail: yuolyu@yandex.ru

В статье рассматривается несомненное влияние в творчестве И. А. Бунина этнотипологических открытий Достоевского, касающихся обозначения антиномичных, двойственных проявлений русского национального характера и сознания. В новелле «Эпитафия» Бунин обозначает не только основные коллизии своего дальнейшего творчества, но и типы «новых людей», черты которых соотносятся с обозначенным у Достоевского типом «стриюцкого». Исследуя «души русских людей», Бунин в повестях «Деревня» и «Суходол» намеренно акцентирует внимание на темных сторонах сознания и характера русского человека, как будто предчувствуя, что именно они станут фатальными в столь скорой исторической перспективе. Ярчайшим воплощением типа «стриюцкого» являются образы Серого и Юшки, созданные И. А. Буниным в повестях «Деревня» и «Суходол». В образе Серого воплотились пороки, обозначенные Достоевским в типе «стриюцкого»: отвращение к труду, лень, пустая мечтательность, вздорность. В «Дневнике» Бунина мы находим картины беспросветного народного быта, явственно послужившие фактологической основой повестей «Деревня» и «Суходол». Сын Серого — «революционер» Дениска, в образе которого Бунин предрек трагическую судьбу России, которую так же, как героиню Молодую с Дениской, насильственно обвенчают с революцией. В образе умного и циничного Юшки из «Суходола» Бунин, как и Достоевский, пророчески предсказал грядущее отречение от веры, глумление над святынями, что неизбежно проявится в обществе, где власть получают «стриюцкие», что писатель и покажет в «Окаянных днях».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; И. А. Бунин; национальный характер; типология; этнотипология; «стриюцкий».

Этнотипологические открытия Достоевского, охватившие все разновидности национального характера и сознания, как народного, так и интеллигентского, оказали огромное влияние на типологию русской литературы XX в., когда предчувствие революционной катастрофы, осмысление ее причин, а

затем изображение последствий становятся главной проблемой русской литературы вообще и творчества И. А. Бунина, в частности.

Охватывающая все ипостаси противоречивого, двойственного, склонного к полярным проявлениям национального сознания и характера, этнотипология Достоевского методологически определила содержание, их семантику и направленность: первый, отрицательный, полюс национальной ментальности — это, по Достоевскому, все «изломанное, фальшивое, наносное и рабски заимствованное», второй, «положительный», полюс Достоевский маркирует такими понятиями, как «простодушие, чистота, кротость, широкость ума и незлобие» [1, т. 13, с. 49–50]. Достоевский сформулировал и дал художественное оформление идее антиномичности, противоречивости, двойственности русского национального характера, о чем говорит и Бунин: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, “шаткость”, как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, — и дубина и икона”, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев» [2, с. 54].

В новелле «Эпитафия» (1901), художественно завершающей рассказ «Антоновские яблоки», Бунин предрек многие процессы, которые будет исследовать десятилетие спустя в повестях «Деревня» и «Суходол». Пунктиром наметил он и обозначенные Достоевским народные типы, которые получают свое завершение и распространение в «будущей России» и найдут свое художественное воплощение в его повестях «Деревня», «Суходол», в «Окаянных днях». — типы «русских безобразников» и «стрюцких».

В «Эпитафии» Бунин размышляет о том, какие люди придут на смену нынешнему поколению, как изменят они лик родной земли, где будут искать «ключи от счастья». «Чем-то осветят новые люди свою новую жизнь? Чье благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?» [3, т. 1, с. 345]. Но уж очень безрадостен, эсхатологически грозен ответ, содержащийся в художественной ткани «Эпитафии». Раньше, когда дорога от деревни к городу едва виднелась, ее «глубокие колеи зарастали травой с желтыми и белыми цветами», а под легкой тенью березы возвышался «ветхий, серый голубец, — крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой хранилась от непогод суздальская икона Божией Матери”, — хорошо, богато, полно и весело жила деревня в полном согласии с природой. «Замирали по вечерней заре песни девушек, прощавшихся со своими обрученными подругами», «зеленела береза», «шли дожди, протекали жаркие июньские дни, зацветали цветы, наступали веселые сенокосы». Осень приходила «светлая и тихая», наступая так мирно и спокойно, что «казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким». А радужные паутинки, которые народ красиво и нежно называл пряжей Богородицы, тихо садились на сухое, колкое жнивье. И даже тогда, когда осень сбрасывала с себя «кроткую личину», когда ветер беспощадно трепал обнаженные ветви березы, когда неустанно заносил снегами и поля, и деревню, и березу по самый голубец, заблудившийся путник с надеждой крестился, «завидев в дыму метели торчащий из сугробов крест, зная, что здесь бодрствует над дикой снежной пустыней сама Царица Небесная, что охраняет она свою деревню, свое мертвое до поры, до времени поле». Да и как могло быть иначе, ведь с тех пор, как тот, кто первый пришел на

это место, поставил крест с кровелькой и освятил «Покров Пресвятые Богородицы», старая икона «дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая свое благословение на трудное крестьянское счастье» [3, т. 1, с. 342–343]

Как во всем творчестве Бунина, в «Эпитафии» переплетаются два мотива: мотив ожидания будущего, желания перемен и мотив тоски по прошлому, уходящему, рожденный неуверенностью в том, что будущее будет достойным продолжением прошлого. «Жизнь не стоит на месте, – старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью. Да, но не тем ли и хороша жизнь, что она прибывает в неустанном обновлении?». Детство миновало — счастливое, беззаботное детство человека и человечества. Какая-то неведомая сила влечет людей из деревни, которая кажется им все скучнее: «...и береза уже не так густо зеленеет весной, и крест у дороги ветшал, и люди истощили поле, которое охранял он». Русское хлебное поле, как сама матушка-Русь, зарастало сорной травой. Отвернулась от бросивших поле и крест людей Пресвятая Богородица, «и так как беда не приходит одна, то само небо, казалось, стало гневаться на людей. Знойные и сухие ветры разгоняли тучи, подымая вихри по дороге, солнце нещадно палило хлеба и травы» [3, т. 1, с. 344].

Новелла плотно насыщена символами, семантика которых прочно закреплена в сознании читателя. Хлебное поле — символ самой России, оставленной не только хозяевами земли, но и Богом, серый крест — символ веры, а Пресвятая Богородица, по преданию, — главная покровительница и заступница русского народа перед Богом, не раз спасавшая Россию от неминуемой беды. Если раньше к кресту слетались ласточки — вестники лета и жизни, то теперь кружат над ним вороны — вестники запустения и смерти, как и «дикая серебристая лебеда, предвестница запустения и голода» [3, т. 1, с. 344]. «Нищие и слепые», забитые досками окна изб, заросший сорной травой выгон для скота, глухая крапива у порогов домов, покосившийся голубец под березой завершают картину запустения и разорения русской земли.

Сравнивая десяток уцелевших изб с кибитками кочевников, «покинутыми в поле после битвы или чумы» [3, т. 1, с. 345], Бунин усиливает впечатление заброшенности, покинутости родной земли. Люди оторвались от родных корней, превратились в кочевников, равнодушно бросающих истощенную землю, на которой когда-то жили их предки. Эти «новые люди» так же, как кочевники, располагаются станом у деревни, жгут костры, «без сожаления топчут редкую рожь, еще вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают ее землей» [3, т. 1, с. 345]. Они ищут источников нового счастья, но ищут их не на земле, а в ее недрах, «где таятся талисманы будущего», как полагают они. И скоро «задымятся здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревушки». Но чем освятят и освятят ли люди свою новую жизнь, «чье благословение призовут на свой бодрый и шумный труд», если освящавший старую жизнь серый упавший крест «будет забыт всеми» [3, т. 1, с. 345]. Забывшие прошлое, оторванные от корней, эти «новые люди» и станут теми «стриючками», беспамятными, беспомощными временщиками, которых в народе называют «Иванами, родства не помнящими».

Несмотря на утверждение, что жизнь тем и хороша, что «пребывает в непрестанном обновлении», апокалиптические мотивы определяет финал новеллы, коррелируя с ее названием, — «эпитафия», надгробная надпись. Так

выражается в творчестве Бунина убеждение в том, что утрата традиций, выпадение из общей цепи истории, грозит катастрофой, гибелью. Не существует для Бунина понятий «вперед» или «назад», понятий «прогресс» или «регресс». В жизни общества и человека имеются лишь некие извечные ценности, от начала данные человеку, искони присущие ему. На сохранение этих ценностей и должна быть направлена созидательная энергия человечества. Но, как полагает Бунин, именно этой созидательной энергии и не хватает русскому человеку.

По признанию Бунина, в своем творчестве он исследовал «души русских людей»: «Я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина». Повесть «Деревня» Бунин рассматривал как начало «целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы» [4, с. 11].

В повести «Деревня» Бунин показал в воззрениях своих героев Тихона и Кузьмы Красовых правоту Достоевского, что «образованному сословию» свойственно видеть народ, «хоть и добродушным и даже очень умственно способным, но все же темной стихийной массой, без сознания, преданной поголовно порокам и предрассудкам, и почти сплошь безобразником» [1, т. 25, с. 14]. Кузьма Красов называет себя «странным русским типом», имея в виду не только странности проявлений национального характера, но и тягу к бродяжничеству, странничеству. Бунин, как и Достоевский, герой которого, говоря о народе, оперирует понятием «мы», т.е. ассоциирует себя с народом, показывает, что обличительные слова его героев о русском народе — это не клевета, не пустое «обличительство», не злорадство, а искренние переживания за его судьбу. Как писал Н. А. Бердяев, «народная стихия представлялась интеллигенции таинственной силой. Она противопоставляла себя народу, чувствовала свою вину перед народом и хотела служить народу» [5, с. 67].

Главную беду русского человека Кузьма видит как в том, что «красивые слова» не претворяются в дело, так и в том, что, говоря «красивые слова», люди не могут и не хотят жить в соответствии с ними: «Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово — одно, а дело — другое! Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!» [3, т. 2, с. 119]. Анализируя сущность полярных проявлений национальной ментальности у Достоевского, Н. А. Бердяев подытожил: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, человечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [5, с. 44–45].

Об этом же размышляет герой Бунина, находя в русском человеке проявления жестокости, склонности к насилию: «Вот ты и подумай: есть ли кто лютее нашего народа? В городе за воришкой, схватившим с лотка лепешку грошовую, весь обжорный ряд гонится, а нагонит, мылом его кормит. На пожар,

на драку весь город бежит, да ведь как жалеет-то, что пожар али драка скоро кончились! <...> А как наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьет смертным боем, али мальчишку дерет как сидорову козу, али потешается над ним? Это-то уж самая что ни на есть веселая тема. <...> Мажут бедным невестам ворота дегтем! Травят нищих собаками! Для забавы голубей сшибают с крыш камнями! А есть этих голубей, видите ли, — грех великий. Сам дух святой, видите ли, голубиный образ принимает!» [3, т. 2, с. 122, 123]. О ничем неоправданной, бессмысленной жестокости пишет Бунин и в своих дневниках: «Какой-то новосельский мужик привязывал свою жену, всю голую, за косу к перемету и драл ее вожжами до потери сознания» [6, т. 9, с. 262].

В русском фольклоре герой Бунина тоже находит подтверждение своим размышлениям: «Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неопишущая! Историю считаешь — волосы дыбом станут: брат на брата, сват на свата, сын на отца, вероломство да убийство, убийство да вероломство... Былины — тоже одно удовольствие: “распорол ему груди белые”, “выпускал черева на землю”... Илья, так тот своей собственной дочери “ступил на леву ногу и подернул за праву ногу”... А песни? Все одно, все одно: мачеха — “лихая да алчная”, свекор — “лютый ла придиричивый”, “сидит на палате, ровно кобель на канате”, свекровь опять-таки “лютая”, “сидит на печи, ровно сука на цепи”, золовки — непременно “псовки да кляузницы”, деверья — “злые насмешники”, муж — “либо дурак, либо пьяница”, ему “свекор-батюшка вялит жану больней бить, шкуру до пят спустить”, а невестушка этому самому батюшке “полы мыла — во щи вылила, порог скребла — пирог спекла”, к муженьку же обращается с такой речью: “Встань, постылый, пробудися, вот тебе помой — умойся, вот тебе онучи — утрися, вот тебе обрывок — удавися”... А прибаутки наши, Тихон Ильич! Можно выдумать грязнее и похабнее! А пословицы! “За битого двух небитых дают”... “Простота хуже воровства”...» [3, т. 2, с. 123].

Бунин намеренно акцентирует внимание на темных сторонах сознания и характера русского человека, как будто предчувствуя, что именно они станут фатальными в будущем. Впервые в русской литературе был представлен столь нелюбимый взгляд на народ, причем взгляд «изнутри», что и поразило современников больше всего. Усвоившие мысли Л. Н. Толстого и Достоевского о величии русского народа, о вине интеллигенции перед ним, о том, что «образованное сословие» не имеет права осуждать народ, за счет которого существует, читатели испытали настоящий шок, как выразился критик К. Зайцев, «подлинный удар по психике», когда вместо чуть не святого лика русского крестьянина, у которого нужно учиться житейской мудрости, со страниц бунинской «Деревни» на читателя взглянуло существо жалкое и дикое, неспособное преодолеть свою дикость [7].

Можно утверждать, что особую роль в гнетущем воздействии повестей «Деревня» и «Суходол» на читателя сыграл ряд образов, которые по своей типологии восходят к обозначенному в творчестве Достоевского типу «стриюцкого». Писатель создал подробнейшее типологическое описание «стриюцкого», которое представляется очень перспективным для рассмотрения и анализа целой плеяды образов в русской и советской литературе.

Этим «простонародным» словом Достоевский отмечает тип, сложившийся как в народной, так и в интеллигентской среде. «Стрюцкий» — есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и

всегда, — пьяница-пропойца, потерянный человек», — так характеризует этот тип Достоевский, замечая, что «стриюцким мог бы быть назван, в иных случаях, и не пьяница» [1, т. 26, с. 63]. В состав характерологических черт «стриюцкого» Достоевский включает такие понятия, как «пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность». «Итак, “стриюцкий”, — подытоживает писатель, — это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться неосновательный и себя непонимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всегда чаще потому, что сам любит быть обиженным, призыватель городского, караула, властей — и всё вместе пустяк, вздор, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех: “Э, пустое, стрюцкий”» [1, т. 26, с. 64]. Тип «стриюцкого» — общий для народа и интеллигенции: «Таких людишек много ведь и в интеллигентных кругах, и в высших кругах — не правда ли? — замечает Достоевский, — только не всегда пьяниц и не в порванных сапогах, но в этом часто всё и различие. Как удержаться и не обозвать иногда и этих высших “стриюцкими”, благо слово готово и соблазнительно тем оттенком презрения, с которым выговаривает его народ?» [1, т. 26, с. 64–65].

Ярчайшим воплощением типа «стриюцкого» являются образы Серого и Юшки, созданные И.А. Буниным в повестях «Деревня» и «Суходол». Удивляет, с какой точностью совпадает характерология «стриюцкого», предложенная Достоевским, с образом Серого, «самого нищего и бездельного мужика во всей деревне». «Землю он сдавал, на местах не жил. Дома сидел в голоде и холоде», но, вместо того, чтобы попытаться заработать, «думал только о том, как бы разжиться и покурить» [3, т. 2, с. 182]. «Вздорный» «крикун», Серый бывал на всех сходах, «не пропускал ни одной свадьбы, ни одних крестин, ни одних похорон. Магарычи никогда не обходились без него: он встревал не только во все мирские, но и во все соседские — после купли, продажи, мены. Наружность Серого оправдывала его кличку: сер, худ, росту среднего, плечи обвислые, полушубочек короткий, рваный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бечевой, о шапке и говорить нечего. Сидя в избе, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изо рта трубки, вид имел такой, будто ждал чего-то. Но ему, по его мнению, чертовски не везло. Не попадало дела настоящего, да и только!» [3, т. 2, с. 182]. Серый не хочет работать на имеющейся у него земле, не может толком распорядиться появившимися у него деньгами, а вместо этого ждет «какой-то ладной, настоящей работы», не желая смириться с тем, что «нажить богатство» можно только постоянным трудом. В образе Серого выражена мысль о бездельности и вздорности подобного народного типа, присущая ему пустая «мечтательность», нелепые, неосуществимые амбиции. Особенно показателен эпизод со строительством избы. Случайно заработав денег «на клеверах», Серый «в ту же осень поставил кирпичную избу», истратив на постройку все деньги. «Кормиться» семье стало нечем, и поэтому, когда пришла зима, а дров купить было не на что, Серый сжег верх избы. Простоявшая год без крыши, изба вся почернела, обветшала. Никчемность, пустое прожектерство Серого выразились в том, что трубу от избы он пускает на хомут, хотя лошади у Серого не было. Но он решил: «Да ведь надо же когда-нибудь начать обзаведение» [3, т. 2, с. 183]. Мысль Бунина о том, что в характере таких «стриюцких» мечтательность и прожектерство доминируют над трезвым расчетом и истинными жизненными

потребностями, указывает на важную составляющую национальной ментальности, которая в недалеком будущем проявится во всей своей полноте.

В образе Серого воплотились пороки, обозначенные Достоевским в типе «стриюцкого»: отвращение к труду, лень, пустая мечтательность, вздорность. Когда загорелся новый омет на краю деревни, Серый, как истинный «стриюцкий», «первым явился на пожар, орал до сипоты», распорядился мечущимися среди жара людьми, ровным счетом ничего не делая для тушения пожара [3, т. 2, с. 185].

Желание Серого обрести богатство, не работая, ожидание, «когда корабли приплывут», мечты «о хорошем дворе, о порядке, о какой-то ладной, настоящей работе» [3, т. 2, с. 183] отравляют ему жизнь, доводят до полной нищеты, заставляют страдать и голодать не только его, но и семью, но отнюдь не подвигают к делу. Труд для него — скучная, обременительная обуза, поэтому он не может удержаться ни у одного хозяина. Вот и сидит Серый со своей семьей в темной, «глухой, мертвой избе», которая не походит на человеческое жилище: «Если войдешь в ее темные, полуоткрытые сени, почувствуешь себя на пороге почти звериного жилища — пахнет снегом, в дыры крыши видно сумрачное небо, ветер шуршит навозом и хворостом...» [3, т. 2, с. 189]. Здесь царят холод, тьма, чуть мерцает «во тьме мерзлое окошечко». Хозяин сидит на лавке, «хозяйка, — смиренная, молчаливая, с придурью баба, — тихонько покачивает повизгивающую люльку, где болтается бледный, сонный от голода рахитик. Детишки забились на чуть теплую печку и что-то шепотом рассказывают друг другу. В гнилой соломе под нарами шуршат, возятся коза и поросенок — большие друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой в потолок. Повертываешься тоже с опаской: от порога до противоположной стены всего пять шагов» [3, т. 2, с. 189]. Впечатление ужаса и безысходности, «необыкновенного дикарского убожества» [6, т. 9, с. 273], ощущение какого-то мрака преисподней, вызывает эта картина. Не случайно Бунин упрекали в неприязненном, предвзятом отношении к деревенскому быту, к русскому народу.

Следует заметить, что Бунин далек от художественного преувеличения. Его «Дневники» 1910-х гг. свидетельствуют о том, что деревенская жизнь действительно виделась ему в самых мрачных и устрашающих красках. Главное, чем поражала Бунин русская деревня — это «страшная грязь» [6, т. 9, с. 270]. Дневники Бунина пестрят замечаниями об этой грязи: «Глотова превратилось в грязную, темную яму. После обеда пошли задами на кладбище. Возвращались по страшной грязи по деревне». [6, т. 9, с. 270]. «Только что вернулись от Таганка, стовосьмилетнего старика. Весь его –корень» — богачи, но грязь, гнусность, нищета кирпичных изб и вообще всего их быта ужасающие. Возвращаясь, заглянули в избу Донькиной старухи — настоящий ужас! И чего тут выдумывать рассказы — достаточно описать хоть одну нашу прогулку. Мужики “барские” называют себя, в противовес однодворцам, “русскими”. Это замечательно» [6, т. 9, с. 265–266].

Город Орел поразил Бунина «убожеством, заброшенностью. Везде засохшая грязь, теплый ветер несет ужасную пыль. Конка — нечто совершенно восточное. Скучная жара. От Орла — новизна знакомых впечатлений, поля, деревни, все родное, какое-то особенное, орловское; мужики с замученными скукой лицами. Откуда эта мука скуки, недовольства всем? На всем земном шаре нигде нет этого» [6, т. 9, с. 269–270]. «Вчера ездили через Скородное. Избушка на поляне,

вполне звериное жильё, крохотное, в два окошечка, из которых, каждое наполовину забито дощечками, остальное – кусочки стекол и ветоши. Внутри плачет ребенок Марфутки, дочери Федора Митрева, брошенной мужем. А лес кругом так дивно зелен. Соловьи, лягушки, солнце за чащей осинника и вся белоснежная большая яблоня “лесовка” против избушки.

Нынче после обеда через огороды. Нищая изба Богдановых, полная детей, баб, живут вместе два брата. Дети идиоты. На квартире Лопаты. Любовница Лопаты со смехом сказала, что он очень болен. Он вышел пьяный. Вид – истинный ужас. Разбойник, босяк, вся морда в струпьях, – дрался с любовницей. Пропивает землю и мельницу. Был на мельнице. Разговор с Андреем Симановым. По его словам, вся наша деревня вор на воре» [6, т. 9, с. 272–273]. «Пришел Алексей (прообраз моего Митрофана из “Деревни”). Жалкий, мокрый, рванный, темный, глаза слабые, усталые» [6, т. 9, с. 277].

Таковыми ужасающими картинами наполнены дневники Бунина, что свидетельствует не только о фактографической основе повести «Деревня», но и о той боли, негодовании, с которыми Бунин смотрел на современную ему действительность. Заметим, что грязь стала главной деталью в изображении русского быта не только у Бунина. Грязь становится символом «нечистоты», вязкости, непроходимости, дикости, убогости деревенской жизни. Грязь в повести «Деревня» и «Суходол» окружает избы, в ней вязнут на дорогах, грязь заполняет избы и словно окутывает души людей. Грязь, пыль, песок стали в произведениях Бунина знаками ненавистной ему «азиатчины», которая, по его мнению, определила в национальном характере такие черты, как отсутствие инстинкта оседлости, страсть к странничеству, отсутствие привычки к «длительному будничному труду», какую-то неопределенную и тоскливую мечтательность, неопределенное «томление», «мука скуки, недовольства всем» [6, т. 9, с. 270] — все эти качества характера сохранились с древнейших времен, веками определяя статус жизни русского крестьянина и трагедию его судьбы. О соединении в национальном характере азиатского и европейского начал писали многие мыслители и художники: Вл. Соловьев, А. Ремизов, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, связывавшие с этим «дурным синтезом» загадочные и противоречивые проявления национального характера и сознания.

Главная боль Бунина, как и Достоевского, — что среди народа все больше становится «стриюцких». Тип «стриюцкого» обретает в повести устрашающие черты в образе «революционера» Дениски — сына Серого. В образе Дениски подчеркивается мысль, что потомки «стриюцких» станут главной бедой и трагедией России. Если в их отцах воплотились худшие человеческие черты, то сыновья вообще теряют человеческий облик. Эта мысль воплощается в повести в яркой художественной детали — волосы Дениски, «мышинного цвета и не в меру густы...» [3, т. 2, с. 140]. Серый цвет, ставший символическим в литературе Серебряного века, обозначает человеческую серость, убогость. Деталь начинает «работать», если обратить внимание на то, что это описание волос Дениски обрамляется замечаниями, высказанными до и после того, как Дениска появляется в повести. В лавке Тихона Ильича работает Егорка: «Макушка клином волосы жестки и густы — “и отчего это так густы они у дураков?” — лоб вдавленный, лицо как яйцо косое, глаза рыбы...» [3, т. 2, с. 111].

Таким образом, Бунин акцентирует внимание на двух составляющих образа Дениски: он не просто «дурак», он почти зверь, животное. В «Дневнике»

Бунина есть интересное замечание: «Как дьявольски густы у некоторых мужиков бороды исподнизу! Что-то зоологическое, древних времен» [6, т. 9, с. 263]. В повести «Суходол» деталь снова повторяется, чтобы акцентировать сущность образа Герваськи, убившего своего отца: на остром затылке было «особенно много волос» — «крупных, черных, грубо подрубленных и образующих выступ над тонкой шеей» [3, т. 2, с. 243]. В этом контексте становится понятной зловещая характеристика, данная Дениске Кузьмой: «Этот новенький типик, новая Русь, почище всех старых будет. Ты не смотри, что он стыдлив, сентиментален и дурачком прикидывается, — это такое циничное животное!» [3, т. 2, с. 204]. Символичной представляется женитьба Дениски на наложнице Тихона Красова Молодой — так Россия, образ которой просвечивает сквозь облик безымянной героини, будет насильно «обвенчана» с революцией, грозящей ей погибелью.

В повести «Суходол» тоже есть «стриюцкий». Это Юшка — «палец о палец не ударил он никогда, а жил, где Бог пошлет, платя за хлеб, за соль рассказами о своем полнейшем безделье и о своей “провинности”». «Я, брат, мужик, да умен и на горбатого похож, — говорил он. — Что ж мне работать!». Но Юшка — не дурак, смотрит он «едко и умно», точно рассчитывает свои действия.

В образе умного и циничного Юшки Бунин, как и Достоевский, пророчески предсказал грядущее отречение от веры, глумление над святынями, что неизбежно проявится в обществе, где власть получают «стриюцкие». Юшка понимает, «что прикидываться странником по святым местам, человеком, спасающим душу, — старо, а может оказаться и неприбыльно, попробовал прикинуться иначе: не снимая подрясника, стал открыто хвастаться своим бездельем и похотливостью, курить и пить сколько влезет, — он никогда не пьянел, — издеваться над лаврой и пояснять, за что именно изгнан он оттуда, при посредстве непристойнейших жестов и телодвижений» [3, т. 2, с. 259]. Изгнанный за непристойное поведение из Лавры, он «закатился домой, на Русь», уверенный в том, что «не пропадет». «И точно — не пропал: Русь приняла его, бесстыжего грешника, с не меньшим радушием, чем спасающих души: кормила, поила, пускала ночевать, с восторгом слушала его» [3, т. 2, с. 260]. Юшка легко входит в доверие к людям, используя почти мистическую силу внушения и покорения слабых, неустойчивых и слабых душ.

В «Окаянных днях» Бунин показывает, к чему привела власть вознесенных революцией «стриюцких». Знаменателен образ стрюцкого-интеллигента «новой формации»: «Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. Галстучек высоко вылез сзади на грязный бумажный воротничок, жилет донельзя запакощенный, на плечах кургузого пиджачка — перхоть, сальные жидкие волосы всклокочены... И меня уверяют, что эта гадюка одержима будто бы “пламенной, беззаветной любовью к человеку”, “жаждой красоты, добра и справедливости”!

А его слушатели?

Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы, — не говорит, а все только спрашивает, и ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню. И физически больно от отвращения к нему, к его толстым ляжкам в толстом зимнем хаки, к телячьим

ресницам, к молоку от нажеванных подсолнухов на молодых, животное-первобытных губах» [2, с. 50].

Типологическая общность образа Дениски с образами «интеллигента» в галстук и дезертира из «Окаянных дней» несомненна. Несомненна их связь и с образами двенадцати красногвардейцев из поэмы А. Блока и героев «Солнца мертвых» И. С. Шмелева. Именно эти образы возникают в памяти читателей, подтверждая типологию, ведущую свое начало от этнотипологических открытий Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
2. Бунин И. А. Окаянные дни / сост. А. В. Кочетов; вступ. ст. О. Н. Михайлова. — М.: Современник, 1991. — 253 с.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Правда, 1988.
4. Бунин И. А. Собр. соч.: в 15 т. Т. I. — Берлин: «Петрополис», 1935. — 254 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 43–271.
6. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М., 2006.
7. Зайцев К. И. А. Бунин. Жизнь и творчество. — Берлин: Парабола, 1934. — 267 с.

REFLECTION OF ETNOTYOLOGY BY F. M. DOSTOEVSKY
IN THE WORKS OF I. A. BUNIN

Olga Yu. Yureva

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Philology and Methods,
Irkutsk State University
6 Nizhnaya Naberezhnaya, Irkutsk 664003, Russia
E-mail: yuolyu@yandex.ru

In I. A. Bunin's books, one can find the undoubted influence of Dostoevsky's ethnotypical discoveries related to designation of antinomical, dual manifestations of the Russian national character and consciousness. In the novel "Epitaph", Bunin denotes not only the main collisions of his subsequent creativity, but also the types of "new people" whose features correspond to the ones indicated in the "stryutsky" type by Dostoevsky. When exploring "souls of Russian people" in the stories "Village" and "Sukhodol", Bunin deliberately focuses on the dark sides of the consciousness and character of the Russian people, as if foreseeing that they will become fatal in such a short historical perspective. The brightest embodiment of the "stryutsky" type are the images of Sery and Yushka, created by Bunin in the stories "Village" and "Sukhodol". The vices designated by Dostoevsky in the type of "stryutsky" were embodied in the image of Sery: aversion to work, laziness, empty dreaminess, absurdity. In the "Diary" by Bunin, we find pictures of hopeless folk life, which clearly served as the factual basis of the stories "Village" and "Sukhodol". The son of stryutsky Sery is Deniska, "revolutionary", and Bunin predicted the tragic fate of Russia in this image; which, just like the heroine Young and Deniska, will be married to the revolution. In the image of the clever and cynical Yushka from "Sukhodol", Bunin, like Dostoevsky, prophetically predicted the future renunciation of faith, mockery of the shrines, which will inevitably manifest itself in a society where the "stryutsky" gets the power, which the writer will show in "Cursed Days".

Keywords: F. M. Dostoevsky; I. A. Bunin; national character; typology; ethnology; "stryutsky".